1

Амдерма... Амдерма...

Что за городок такой расчудесный? Для тех, кто, собираясь в Израиль, подпольно изучает иврит, в его названии таится приманка для лингвистического ума. Явственно чувствуется: оно ветхозаветных корней, в особенности при разделении на слоги. Отсюда и мысль богатая: Амдерма заложена древними евреями, теми, кто исчез со страниц Библии после Вавилонского пленения. А сколько их было? О-го-го! Сотни тысяч, по доисторической переписи населения.

И впрямь, десять пропавших колен Израилевых — не шутка. Не на летающих тарелках ведь их утащили на небо — к лучшей жизни. Расселились где-то по матушке-Земле. Живут и размножаются, плодят себе подобных. На разных участках суши и моря. Тут и вопрос наклевывается: почему бы им на заре цивилизации, тем более, что она называется иудео-христианской, не вырулить к Северному сиянию? Согласитесь, мастерить себе подобных гораздо вольготнее здесь. За Полярным кругом ночь долгая, протяженностью в полгода ночь, что способствует столь полезному и приятному занятию.

Не верится в эти догадки? Не наукообразны? А все же попробуем открыть рот, и по складам, по складам, как по кочкам: «Ам-дер-ма». Теперь — давай не ленись! — переквалифицируйся в полиглоты. Напрягаем мозги и принимаемся за язык Соломона мудрого.

«Ам» в переводе на русский — «народ». Конечное «ма» при расшифровке с иврита дает извечное — «что?» «Дер»? На идише подчеркивает принадлежность к чему-то. Это четко прослеживается в прозвищах и кличках местечковых евреев. «Авремеле дер математик» (Математик Авремеле), «Ошер дер глезер» (Стекольщик Ошер), «Шмуел дер гелэр» (Рыжий Шмуел).

В конечном итоге у нас вырисовывается, что иврит в тесном контакте с разговорным бабушкиным идишем демонстрирует нам, что «Ам-дер-ма» при умелом подходе к этимологии слова представляет собой... Что? Правильно: «Народ — загадка». Либо — «Что за народ?»

Доходит? Не на все сто? Принимаю возражения. Но, попутно приняв и недостающие сто грамм на посошок, допускаю, что все было бы намного проще, кабы вместо «Амдерма» на путевом знаке — визитке города — читалось: «Амдерман». Тогда

автоматически устранялись бы наши домыслы, а взамен набегало на скоростях: «Шнейдерман, Цедерман, Гиндербург, Зандерберг и примкнувший к ним Рабинович». В такой благоприятной ситуации, признаю, только слепому не различить, что катишь в родные Палестины. В особенности, если еще раз вспомнить об иврите и прочитать название города справа налево, и опять по слогам.

Ам-дер-ма в этом случае преобразуется в Ам-ред-ма.

«Ам», как мы уже договорились, «народ». «Ред» — повелительная форма ивритского глагола. За сим он и глаголит по-русски — «сойди, спустись!». На иврите назойливым людям — «нудникам», доставалам по-русски, обычно так и говорят: «Ред ми мейни» — «Сойди с меня!», либо — «Спустись с меня!». Последний слог — перевернутый первый. Ивритское «ма», оно же русское «что». На месте слова «народ» в перевернутом его состоянии находим снова загадку в виде пресловутого — «что». Ну, а где же разгадка? Не в перестановке ли слов? Переставим и у нас получится: «народ, что спустился». И тут набегает внезапная ясность. Тех, кто покидает Святую землю, так и называют — «йордим ми Исраэль» — «спустившиеся с Израиля». Неужели, действительно, наши предки из какого-то потерянного колена Израйлева добрались до Карского моря? Могло такое быть? Вполне возможно. Остается только найти доказательства. А где их искать? Разумеется, не на рижском взморье. За полярным кругом? Что ж, не велика беда: за разгадками ходили и далече. Пржевальский в Центральную Азию, Арсеньев в Уссурийский край, Миклухо-Маклай в Новую Гвинею.

Кинемся и мы в путешествие. Все же теперь, когда на дворе год 1970-й, двигать не на своих двоих, а культурненько, с удобствами,— на «тушке» по воздуху, да на танкере по воде.

Но прежде чем вязать морские узлы до Амдермы, следует запастись билетами на воздушный лайнер и махнуть в Мурманск, где на рейде, в ожидании сменного экипажа, стоит танкер «Юрмала». Но еще раньше предстоит наведаться в библиотеку, чтобы кое-что полезное о граде арктическом выведать.

Я позвонил своей надежной до потери пульса Галке Волошиной и попросил ее смотаться в библиотеку и выкопать там какие-либо сведения об Амдерме.

— Лично мне некогда,— пояснил я.— Мне командировку оформлять.

— А командировочные — «до» или «после»?

— Уже! И винчик купил — «сухарик» по кличке «Каберне».

Надежная Галка Волошина нашла в студенческом загашнике томик Евгения Евтушенко. И доставила ко мне домой — ул. Янки Купалы, 5.

— В одном из его туристических стихов,— сказала,— упоминается Амдерма.

— В каком?

— А вот в том, где наш автор клюкал тройной одеколон. Читаем?

— Читаем!

И прочли. Вслух. На два голоса.

Мы сто белух уже забили,
Цивилизацию забыли,
Махрою легкие сожгли...
Но, порт завидев, грудь навыкат,
Друг другу начали мы «выкать»,
И с благородной целью выпить
Со шхуны в Амдерме сошли...

— Подумаешь, невидаль,— промямлил я, когда поэтическая речь вывела к популярному у алкашей аптечному напитку.— Тройной одеколон и в Риге можно лакать.

Мое ревнивое замечание вполне объяснимо. Кому из поэтов эпохи развитого социализма хотелось, чтобы на подушке, рядом с изголовьем любимой девушки «красовался» вместо него Евтушенко?

2

Чем плохи советские телефоны?

Тем, что звонят в неурочное время.

А несоветские?

У них та же беда. Но они — импортные. Их звонки устроены таким образом, что в них слышится нечто многообещающее: приглашение на выставку, на просмотр заграничного фильма, на презентацию — с попутным выпивоном в баре-ресторане.

Мой телефон был советский, но звонок в него был вмонтирован импортный.

Мне и «послышалось». Но приглашения не последовало. Звонил Ливик Генделист, по уважительным официальным бумагам — Лив Альбертович, судовой кок и «лично мой» внештатный корреспондент, с которым предстояло лететь в Мурманск, где на рейде стоял танкер «Юрмала».

Назван парень был с претензией на родство с древними ливами.

Для справки: «Земля ливов» — Ливóния (лат. Livonia, нем. Livland) — это часть восточной Прибалтики. Захвачена немецкими рыцарями-крестоносцами. Окрещена ими же по аналогии с одним из живущих на территории Латвии и Эстонии, с тринадцатого по пятнадцатый век, финно-угорским племенем.

В конце сороковых — начале пятидесятых годов, может быть, в знак «тихого» протеста против очередной потери независимости, название племени перекочевало в метрику новорожденных прибалтов, превратилось в собственное имя — Лив. Являлось оно и довольно редкой фамилией, тщательно оберегаемой и переходящей из поколения в поколение без изменений или прибавки латышского суффикса — «ис». К слову, один из фотокоров нашей редакции, Гунар, и носил такую достопримечательную фамилию — Ливен.

Но вернемся к телефонному звонку.

— У меня для тебя есть информация — пальчики оближешь,— сказал мой приятель, внештатный корреспондент и судовой кок по совместительству.

Ливик Генделист всегда говорил на «журналистском уровне». И всегда, при встрече либо по телефону, стремился «пробиться» на страницы легендарного «Латвийского моряка». Он обладал редким даром «засветиться» там, где меньше всего его ожидали увидеть.

— Когда я в 1969-ом был в Каннах на внеконкурсном показе «Андрея Рублева»,— говорил Ливик с выраженьем на лице,— мы так быстро разгрузились, что даже не успели посмотреть картину. И очень об этом потом сожалели. Пришлепали домой, а дома, оказывается, она еще на экран не вышла.

— Почему же, Ливик? — возражал я.— Это на широкий экран она не вышла. А тишком ее показывали во Дворце культуры завода ВЭФ и у нас в Интерклубе.

— Оки-доки, «показывали»! Но для кого? Для избранных?

— Для оповещенных...

— Смотрел?

— Оба раза.

— Кинчик стоит того?

— Стоит.

— А нам его покажут?

— Когда у тебя следующая ходка в Канны?

— Месяца через два...

— Вот как раз и поспеешь к началу сеанса. Там...

— Спасибочки — раз-цвай-драй! Может быть, ты мне и валюты на просмотр кинчика подсыплешь?

— Держи карман шире!

Больше всего в жизни Ливик любил сочинять стихи, особенно под гитару, чтобы быть похожим на Пушкина и заодно не отстать от Высоцкого. Аккорд — слово за слово — строчка. Скоропись воодушевляла его и благотворно влияла на зрение, когда он смотрелся в зеркало и видел там Александра Сергеевича. С ним, несмотря на явную блондинистость, был схож по комплекции и волнистой шевелюре, да и в росточке не отстал от классика — куда уже меньше? — 158 сантиметров. При удобном случае он мог заметить: «Я поэт и бард с двойной композиторской фамилией». На самом деле, его фамилия была никакая не двойная, ординарная латышская фамилия немецко-еврейского корня — Генделис. Однако плодовитый на выдумки Ливик припарковал к хитрому лисьему окончанию буковку «т», и приобрел превосходный фирменный знак — Генделист, с которым хоть в Союз композиторов вступай. Но вместо музыкального училища он поступил в ШМО — школу мореходного обучения, освоил специальность моториста и вышел в море. Правда, в море предпочел машинному маслу — сливочное, и переквалифицировался в повара.

«Я кок — индии-виду-алист! Оки-доки! — говорил он о себе.— Мое призвание — персональные блюда. Такие, что пальчики оближешь!»

Готовить надо было на всех, и в большом количестве. Так что поварские таланты не очень-то раскрывались, и приходилось больше полагаться на журналистское перо, чем на поварешку, чтобы прославиться в экипаже. Вот и сейчас, прослышав о совместном полете в Мурманск и рейде в Амдерму, Ливик Генделист решил порадовать меня по телефону наброском забойного репортажа, импровизацией в стиле путевого дневника.

— Так и пишем, прямо на первую полосу: «От нашего специального корреспондента».

— Что пишем, Ливик?

— Самолет стремительно разбежался по взлетной полосе и, подогнув по-птичьи тонкие ноги, на авиационном языке — «шасси», поднялся в бескрайний небесный океан. «Оки-доки!» — сказал командир воздушного лайнера и взял штурвал на себя.

— Стоп! Стоп, Ливик! — занервничал я, видя, что Галка грозит мне из-под одеяла кулаком.— Не торопись взлетать. И не заставляй командира лайнера говорить твоими словами. Я тут босыми ногами стою на полу.

— Надень тапочки.

— Тапочки в другой раз.

— Подожди, подожди. Тут у меня и географическая сноска есть.

— Лучше узнай, что означает слово «Амдерма».

— За нами не заржавеет. Распознаем. А пока послушай, что я надыбил из истории Амдермы. Можно дать подверсткой к репортажу, послушай! «Амдерма основана в 1933 году. Представляет собой поселок городского типа, возникший в ту пору, когда началось строительство рудника по добыче плавикового шпата. Поселок расположен на побережье Карского моря — северная граница Полярного Урала, у хребта Пай-Хой. До Воркуты по прямой — 350 километров, до Нарьян-Мара — 490, до Архангельска — 1260, если шлепать морским путем. По воздуху короче — 1070».

— А на оленях?

— Не понял.

— На оленях — ближе.

3

Из-под теплого одеяла, понятно, человека никуда не выманишь, особенно, ближе к ночи. Разве что — за не менее теплым, чем одеяло, пальто. Мне пылить в Мурманск, а верхняя одежка — всего лишь названье на рыбьем меху. Мой демисезонный плащ, вполне подходящий для дождливой Прибалтики, тотчас при упоминании о Заполярье, смущенно «затерялся» в платяном шкафу.

Какая погода в морозном краю, я не знал. Но мне было ведомо: обезопасить себя от температурных сюрпризов необходимо. Отсюда и потребность в пальто. Но не с вешалки же его снимать, если его там нет. А с кого? Разумеется, с брата моего Бори. Он хоть и моложе меня на четыре года, но по росту и объему соцнакоплений превзошел на несколько выигрышных сантиметров. Поэтому его пальто годилось и мне. А в Мурманске оно будет гораздо полезнее для организма, чем в Риге, где ходить можно и без него.

Шаг — направо, шаг — налево, топ-топ-топ, и я уже на набережной Даугавы, в прогреваемом алкогольными градусами Интерклубе моряков загранплавания.

Слово — туда, слово — сюда, бла-бла-бла, и «гардеробный» номерок на серое в клетку пальто перекочевал ко мне в карман.

Дальше — «джем-сейшн» — импровизационный джаз-концерт американских моряков вкупе с нашими «подпольными» звездами свинга.

Среди рижан — звездой первой величины в ту пору как раз и был мой брат Боря Гаммер, на газетном сленге «кудесник саксофона». Его ансамбль «Комбо» гремел в Риге, и каждый исполнитель слыл истинным виртуозом. Это Майрум Аронес, муж моей сестры Сильвы,— бас гитара, Юра Смирнов — фоно, Владимир Банных — контрабас, Валерий Гарфункель — труба, Владимир Болдырев — ударные, певец — Анатолий Могилевский.

В Интерклубе, сбоку от зала, где куролесил «джем-сейшн», в двух небольших комнатах располагалась редакция «Латвийского моряка». Здесь, если позволительно так сказать, «активно дневали и ночевали наши плодовитые первые перья». Кто — за пишущей машинкой, кто — за столом для пинг-понга, а кто — и за стойкой в баре.

Время, назад! Имена — на поверку!

Редактор газеты Яков Мотель, его заместитель Эдуард Лапидус. Дальше — старейшина журналистского цеха Юпитер Езусенко, выпускница сценарного отделения ВГИКа Людмила Нукневич и ее неразлучная подруга, знаток английского языка Кларисса Перельмутер, литсотрудники Ефим Гаммер, Кармелла Медалье, Сергей Ясон, Светлана Расолько, фотокоры Гунар Ливен, Григорий Илугдин, художник Виктор Лурин, машинистка Лариса Молчадская. И примкнувший к ним Ливик Генделист, помнивший, что сорок процентов газетных материалов должны быть — авторские, а шестьдесят — внештатных корреспондетов, значит, и ему открыта дорога к печатному станку.

Ливик — надо же такому случиться! — прослышав о «джем-сейшне», приволокся в Интерклуб вместе с неразлучницей-гитарой и экстренно сочиненной, будто бы по уговору со мной, песней «блюзового характера». Но эта песня, рожденная вдали от Нью-Орлеана, вряд ли сошлась бы «характером» со своей американской соперницей. Ведь мы только «в области балета впереди планеты всей». С вокалом похуже. Вот и пришлось, во имя спокойствия, чтобы не дошло до выяснения творческих отношений, затолкать подвыпившего для храбрости Ливика в редакционный кабинет, взять в буфете пару пива и пояснить:

— Когда на сцене дядя Сэм, то в первых рядах слухачи-стукачи. Из подотряда искусствоведов в штатском. Повремени со своей музыкой. Янки-дудл схиляют, тогда и солируй.

— А я сейчас хочу. У меня — с пылу, с жару. Душа горит!

— Охладись пивком. И заводи пластинку. Но втихую, чтобы джазмены не услышали. А то выгонят.

— Что за фигня? Я телепатическое пение еще не освоил,— почти обиделся Ливик, но желание продемонстрировать изделие собственного голоса пересилило. Хлебнул из горлышка, плюнул на огорчение и театрально вывел:

— Оки-доки! Музыка Генделя и Листа, слова телефонные, твои, но в моей термитной обработке, исполнение тоже мое. Исполнять?

— Только вполголоса.

— Раз-цвай-драй! — Ливик мягко провел пальцами по струнам, призывая к вниманию. И налег на речитатив, не мешая фирмачам за стенкой:

Самолетом — далеко,
на оленях — ближе.
В санях дышится легко,
тем, кто дышит.

Мне не нужен паровоз
и купе-плацкарта.
Еду-еду сквозь мороз
в май-июнь из марта.

Еду-еду за Урал
я к такому месту,
где Хор-Хай мне обещал
подарить невесту.

Еду, молод, утром-днем,
И в ночных потемках.
А доеду стариком
До любимой тетки.

— Ваше слово, товарищ Маузер? — выдал вопросительную интонацию Ливик Генделист.

— Текст одобряем,— произнес я с характерным для Отца народов акцентом.

— На первую полосу?

— Э, нет! — переключился я на картавость, подражая знаменитому Щукину из фильма «Ленин в Октябре».— Архисложно давать на первую полосу вашу рифмованную галиматью, голубчик. Буржуазия не поймет, а народ не простит, скажет: верхи не могут, а низы не хотят. Вот если прибавить про соцобязательства, взятые к столетию Ильича, тогда и обернется ваш текст необходимой для передовой «газетной» правдой.

— Товарищ Маузер, а нельзя ли по существу, без «газетной» правды?

— Можно. «Правды» нет, «Труд» стоит две копейки,— подкинул я обиходную шутку.— «Советскую Россию» продали, остался «Латвийский моряк», да и он у нас сегодня для гостей редакции бесплатно.

— В этом случае я двину в зал, к братану твоему... Исполню...

— Больше налегай на Генделя. Но не забудь, от тебя еще требуется срочное распознание слова «Амдерма».

— Распознаем.

— Хорошо, тогда подкинь мне свой рукотворный текст. Я сейчас отшлепаю его на машинке. И оставлю Якову Семеновичу Мотелю — на прочтение. Авось и ему покажется с утра, что на оленях ближе.

— Ему не покажется,— пробурчал Ливик Генделист.— У него с утра похмелюги не бывает.

— Согласен, снегом он только на войне закусывал. Но я тут сделаю пометку, что этот стишок просится для колорита в подверстку к моим арктическим репортажам, которые буду гнать по рации с судна. Глядишь, и посоавторствуем.

— Пока что мы с тобой соавторствуем лишь по части выпивки, тебе половина и мне половина.— Ливик опорожнил бутылку и упрятал ее в нижний ящик стола.— Двенадцать копеек на черный день.

— Ничего ты, Ливик, не понимаешь.

— А что?

— Этот стишок Мотель, по всей видимости, как раз и напечатает. Есть в нем такой момент, о каком ты и не догадываешься.

— Оки-доки! Получается, я сам не знаю, что сочинил.

— А если знаешь, то объясни, откуда у тебя взялся «Хор-Хай»?

— Да из книжки об Амдерме! Написано — находится она на восточных склонах хребта Пай-Хой. А самое древнее поселение там — Хор-Хай. Заложено в таком допотопном году от сотворения мира, что не упомнишь.

— Ливик! Кем заложено?

— Кем надо, теми и заложено. Что я тебе — комсомолец на допросе? Пристал!

— А ты хоть усек, что значит «Хор-Хай»?

— «Хор» и по-русски — хор.

— На древнееврейском — дыра. «Хай» — живая. Получается, поселок твой называется — Живая дыра. Звучит очень симптоматично, если подумать о приросте народонаселения.

— Раз-цвай-драй! Язык — того... под запретом. Откуда свинтил информбляшку?

— От Файвиша Львович Аронеса. Это отец Майрума, мужа моей сестры Сильвы.

— Бас-гитариста?

— Да... Папа его был знаменитый еврейский актер. Играл в Харькове, Минске, Биробиджане, снимался в фильме «Граница», переводил Маршака на идиш, писал книги. Пока не посадили. Когда? В конце сороковых. После убийства Михоэлса. Сейчас пенсионер. От него и набрался словечек разных. Все-таки язык, на котором Соломон Мудрый говорил.

— А не боишься разоблачаться?

— Перед тобой — нет. Ты же сам запретный язык закамуфлировал под родную мову. Стихи на нем слагаешь, как наш классик царь Давид — псалмопевец.

— Положим, не на нем. А что? Думаешь, Мотель клюнет на «Хор-хай» и напечатает?

— Еврей! Когда распознал, что среди 26 бакинских комиссаров чуть ли не треть евреи, тут же, под какой-то юбилей — кажется, пятьдесят лет с расстрела — дал о них разворот. С фотографиями, фамилиями, и с неблагозвучными именами-отчествами. Перепечатал из «Моряка Каспия». И твой «Хор-хай», помяни мое слово, даст.

(Продолжение следует)